

М. М. Фролова

**БОЛГАРЫ В ВОСПРИЯТИИ ВОЕННЫХ
СВЯЩЕННИКОВ, УЧАСТНИКОВ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1877–1878 гг.**

Статья основана на опубликованных воспоминаниях, записках, письмах военных священников, принимавших участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Многие из этих мемуаров впервые вводятся в научный оборот и являются ценным источником для освещения многих сторон религиозной жизни болгар, так как русские священники обращали свой профессиональный взор на состояние болгарских православных церквей, на церковные традиции, положение болгарского духовенства и его взаимоотношения со своей паствой.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877-1878 гг., военные священники, В. В. Гурьев, А. А. Лебедев, А. И. Цитович, Г. П. Лапшин, И. Софронов.

M. M. Frolova

**BULGARIANS IN THE PERCEPTION
OF MILITARY PRIESTS, PARTICIPANTS
OF RUSSIAN-TURKISH WAR
OF 1877–1878**

The article is based on published memoirs, notes, letters of military priests who took part in Russian-Turkish war of 1877-1878. Many of these memoirs are first introduced into scientific sphere and are a valuable source for highlighting many aspects of religious life of Bulgarians, as Russian priests turned their professional eyes to the state of Bulgarian Orthodox churches, to church traditions, the position of the Bulgarian clergy and its relationship with their flock.

Keywords: Russian-Turkish war of 1877–1878, military priests, V. V. Guryev, A. A. Lebedev, A. I. Tsitovich, G. P. Lapshin, I. Sofronov.

В значительном массиве таких ценнейших источников по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг., как опубликованные воспоминания, записки, письма, дневники ее участников – офицеров, солдат, врачей, сестер милосердия и военных священников, перу военных священников принадлежит всего лишь пять публикаций мемуарного характера, но именно они в большей степени содержат интересную и важную информацию о состоянии болгарских церквей, о болгарских священниках и православной пастве, а также значимые наблюдения о самом болгарском народе. Это, в первую очередь, «Письма священника с похода 1877–1878 гг.» Вакха Васильевича Гурьева (1830–1890), благочинного 3-й гренадерской дивизии и полкового священника 9-го гренадерского Сибирского его императорского высочества великого князя Николая Николаевича (старшего) полка. Помимо «Писем...», которые были переизданы в 2007 г. в связи с 130-летием начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., к исследованию привлекались работы следующих священников: иерея 8-го гренадерского Московского полка 2-й гренадерской дивизии Антона Андреевича Лебедева, благочинного 14-й пехотной дивизии и протоиерея 56-го пехотного Житомирского полка Александра Иоанновича Цитовича, полкового священника

138-го пехотного Болховского полка Григория Петровича Лапшина (ок. 1850 г. – ?), впоследствии настоятеля (с 1889–1891 гг., протоиерея в 1913–1916 гг.) церкви свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской стрелковой школе (Ораниенбаум); иерея 19-го пехотного Костромского полка Иоанна Софронова.

Имена указанных священников (кроме И. Софронова) значатся в наградных списках, опубликованных в юбилейном издании «Столетие Военного министерства. 1802–1902». Самой высокой и почетной награды был удостоен А. И. Цитович «за подвиги при обороне Шипки с 9 по 14 августа 1877 г.» – Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, который вручали исключительно «за отличия под огнем неприятеля», «за беспримерные личные подвиги» и который нельзя было выслужить обычным порядком. Золотой крест жаловался самим императором по согласованию со Св. Синодом и выдавался из Кабинета Его Величества. Эта награда была очень редкой¹. Орденом св. Анны 2-й степени с мечами был пожалован В. В. Гурьев, орденами св. Анны 3-й степени с мечами – Г. П. Лапшин и А. А. Лебедев².

В литературе имеются весьма скудные сведения об этих людях, счастливое исключение представляет В. В. Гурьев: благодаря писательскому таланту его биографические

¹ Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте с 1790 г. (года учреждения) до 1917 г. был пожалован (по одному из подсчетов) только 442 военным священнослужителям.

² Желобовский А. А. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 50. СПб., 1902. С. 86, 99, 102, 105.

данные попали на страницы многих дореволюционных справочных изданий, а самая полная статья с послужным списком и краткой оценкой его творчества для «Православной богословской энциклопедии» была написана С. Г. Рункевичем, церковным писателем, историком, оберсекретарем Святейшего Правительствующего Синода. Может быть, информация о других священниках также появилась бы на страницах этого замечательного издания, но, к сожалению, вышло только 12 томов, и энциклопедия была доведена соответственно только до буквы «К» (Константинополь). Кроме того, наши знания о служебной карьере Гурьева значимо пополнились благодаря изысканиям в Российском государственном историческом архиве Л. В. Мельниковой, которая изучила его послужной список, хранящийся в фонде 806 (Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства Синода). Послужные списки других военных священников еще ждут своих исследователей.

Именно переиздание книги В. В. Гурьева привлекло к ней внимание исследователей: российских ученых Л. В. Мельниковой ³, И. И. Калиганова ⁴ и болгарских

³ Мельникова Л. В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами полкового священника Ваखा Гурьева // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 54–58.

⁴ Калиганов И. И. Освобождение Болгарии от турок в 1877–1878 гг. глазами очевидца (священника 3-й Гренадерской дивизии Ваखा Гурьева) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 2017. С. 231–241.

историков И. Петровой⁵, А. Пашовой и П. Воденичарова⁶, А. Романова⁷. Однако авторы указанных работ не ставили задачу полно осветить такую проблему как восприятие русским священником болгар. Вовлечение в научный оборот всех публикаций военных священников, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сообщит бóльшую полноту рассмотрению этой важной имагологической проблемы.

Военные дороги, которыми пришлось пройти о. Александру (Цитовичу), о. Григорию (Лапшину), о. Антону (Лебедеву), о. Вакху (Гурьеву) и о. Иоанну (Софронову) были разными, что придает сведениям, заключенным в их воспоминаниях, особую ценность, так как позволяет воссоздать более яркую и объемную панораму жизни болгарского населения. О. Александр вместе с 56-м пехотным Житомирским полком участвовал во многих сражениях: при переправе через Дунай 15 июня 1877 г.⁸, на Шипке, и дошел до Родосто. 19-й пехотный Костромской полк, где служил о. Иоанн (Софронов), в неудачном сражении за Плевну (Плевен) 8 июля

⁵ *Петрова И.* Военните свещеници на поход и в бойни действия по време на руско-турската война 1877–1878 и Плевенската епопея 1877 г. // Сборник. Военноисторически музеи – Плевен. 2010. № 2. С. 209–232.

⁶ *Пашова А., Воденичаров П.* Военното духовенство в Руската империя по време на Руско-турската война 1877–1878 // Балканистичен форум. Преживявания, истории, политики. 2015. Т. 1. С. 209–222.

⁷ *Романов А.* България и българите през погледа на руски военен свещеник по време на Руско-турската война (1877–1878) // Православие.bg. 03.03.2018.

URL: <https://www.pravoslavie.bg/История/българия-и-българите-през-погледа-на-р/> (Дата обращения: 01.12.2020).

⁸ Указаны даты юлианского календаря.

1877 г. потерял своего полкового командира полковника И. М. Клейнгауза, 23 офицера и 914 нижних чинов, после 4-месячного пребывания в Никополе совершил зимний переход через Балканы и 19 декабря вступил в бой при Ташкисене. О. Григорий (Лапшин) находился в Руцукском отряде, и его 138-й пехотный Болховский полк принимал участие в боях у д. Езерджи, при Аяскляре (с. Светлен), у д. Нисово и в ряде рекогносцировок, квартировал в Видине (с 24 марта 1878 г. по 6 октября 1878 г.), в Херманлы (до февраля 1879 г.) и был отправлен 20 и 21 февраля из Бургаса на пароходах в Севастополь. На долю гренадер (2-й и 3-й гренадерских дивизий, где служили о. Антон (Лебедев) и о. Вакх (Гурьев)), выпало участие в осаде Плевны (Плевен), знаменитом сражении 28 ноября 1877 г. с войсками Осман-паши, в результате которого крепость пала. Перейдя через Балканы, гренадеры достигли берегов Мраморного моря.

Опубликованные материалы военных священников о русско-турецкой войне содержат описания природы Балкан, сел, городов и их достопримечательностей, в них включена ценная информация о болгарях, турках и греках, православной церкви, церковной службе и традициях. Особенно много впечатлений о Болгарии оставил о. Вакх, который, несмотря на трудности похода, не уставал восхищаться живописными видами, пейзажами страны. Священники отмечали, что северная Болгария являлась богатейшей житницей с превосходными полями и пастбищами. После победы гвардии под Дубняком (12 октября 1877 г.), когда турецкое

население от Дуная до Балкан «пустилось бежать в страшной панике», не подумав об уничтожении своего хлеба и сена, огромное пространство от р. Вида до Искера, а оттуда до самой границы Сербии предстало перед русской армией «со всеми своими растительными сокровищами»: «по лугам одного Искера стоят тысячи стогов отличнейшего сена; на всех полях, по всем деревням оставлены турками огромные скирды пшеницы и ячменя в снопах»⁹.

Болгарский скот, который, по мнению о. Вакха, походил на «наш черноморский», был отличный, великолепный, «сытый, настоящий степняк и с какой-то гордой поступью». Как-то при переходе от с. Вербицы до с. Рыбно гренадеры повстречали казаков из Сводной Кавказской бригады, которые гнали стадо коров и волов, отбитое где-то у турок. Офицеры, врачи и полковой священник с удивлением обратили внимание на то, что в этом стаде «ни одной понурой, невеселой, повислой головы; все приподняты вверх и как будто с понятливым любопытством осматривают невиданных ими людей»¹⁰. Русская армия в мясе не нуждалась: «за каждым полковым обозом тянется еще обоз воловый или гонится целое стадо; пришли на бивуак, сейчас вола за рога – и готов ужин»¹¹.

2-я и 3-я гренадерские дивизии, переправившись через Дунай в начале октября 1877 г. и направляясь к Плевне, шли через местность, по которой пронесся «разрушительный

⁹ Гурьев В. В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ Там же. С. 21.

ураган войны»: разрушенные турецкие деревни, стаи бездомных собак на пепелищах, несжатые обширные поля с кукурузой и «нескошенная травушка на степях». Уцелели одни болгарские селения. О. Антон (Лебедев), на наш взгляд, вероятно, спрашивал у болгар, кто сжег и разорил турецкие селения. Они винили русские войска или турок, что у священника вызывало большие сомнения. Ему рассказывали, что еще до вступления русских войск в город, оставленный турками, в него первыми являлись болгары, ставили кресты на лучших домах и селились в них. О. Антон сам был свидетелем этого факта в Плевне: «пока Плевна держалась, в ней не видно было почти ни одного болгарина; но как только неприятель вышел из города, со всех концов нахлынули “братушки”» и заняли лучшие турецкие дома. Однако через несколько дней вернулись хозяева, стоявшие «до этого времени обозом за городом». Захват чужих домов и переселение в другие селения о. Антон объяснял тем, что болгарские села гораздо хуже, меньше и беднее турецких. «У турка и хата большая, с садом, и содержится чисто, у болгарина небольшая халупа, слепленная из хвороста и глины с небольшим окошечком, внутри без пола; нары до половины избы, заменяющие мебель и кровать»¹².

Гренадеров, двигавшихся от Дуная к Плевне, болгары встречали неприветливо. Причина этой неприязни, по мнению о. Вакха, заключалась в следующем: в течение нескольких месяцев через болгарские поселения проходили «чуть

¹² *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки во время последней Турецкой войны. Из походного дневника полкового священника. СПб., 1878. С. 7.

не ежедневно и целыми тысячами то русские, то румыны, и немилосердно» обирали болгар. «Смотреть за всем нельзя, да в походе и не церемонятся. И приходится бедным терять и те крупницы, которые уцелели от турок», – сочувствовал болгарам о. Вакх. Следует подчеркнуть, что офицерам русской армии вменялось строго спрашивать со своих солдат за мародерство, и военные священники постоянно внушали нижним чинам в проповедях, поучениях после молебнов и службы, а также в частных беседах о необходимости «жить с болгарами дружно, мирно, не обижать, за взятую вещь платить по стоимости, не пьянствовать, на постах быть зоркими, бдительными...»¹³, – о чем сообщал о. Александр (Цитович).

Заметим, что в «Письмах» В. В. Гурьева рассказывается только об одном случае мародерства, имевшем место 18 октября 1877 г.: в болгарской деревне Овчая Могила «не оказалось ничего съестного ни из царства пернатых, ни из четвероногих», поэтому санитары насильно отняли у «одной бедной болгарки» жестяной котелок. «Вой», поднятый женщиной, был услышан начальством, произвели обыск и возвратили ей «посудину»¹⁴. Позднее, размышляя над ошибками, допущенными в организации дивизионного лазарета и в самом деле оказания медицинской помощи, о. Вакх указал на недопущение в будущем укомплектовыв-

¹³ Цитович А. Из памятной книжки полкового священника. (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии) // Прибавления к Калужским епархиальным ведомостям. 1878. № 8. С. 147.

¹⁴ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 19.

вать лазаретную прислугу (санитаров, носильщиков, обозных служителей) из состава «призывных» нижних чинов, поскольку в лазарет отправляли самых физически негодных к строевой службе, ни к чему не способных: «слепые, хромые и чающие движение воды¹⁵...» Не лучшим оказалось и «служебно-нравственное их состояние»: они были грубы, невнимательны и жестокосердны к раненым и больным, постоянно старались манкировать своими служебными обязанностями. О. Вакх указывал на отсутствие в его дивизионном лазарете строгой дисциплины – «этой души всех частей военного ведомства» – и допущение безнаказанности за явные проступки, что породило «в нижних чинах самовольство, самоуправство, даже наглость», что также приводило к процветанию пьянства, драк, взаимного воровства и даже мародерства. «Из церковной фуры выкрали таз, коврик, чайники, циновки. Ничему не давали спуска», – констатировал о. Вакх. На поле сражения у Плевны санитары не гнушались подбирать часы, цепочки, пустые кошельки, которые тут же пускали на продажу. В Казанлыке лазаретная прислуга начала продавать на базаре новое белье, фуфайки, шапки, чулки, полученные ранеными от Красного Креста –

¹⁵ «Чающие движение воды» – выражение возникло из евангельской легенды о купальне Вифезда (*евр.* «Дом милосердия») в Иерусалиме, «при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих [чающих] движения воды... Ангел по временам сходил в купель и возмущал воду; и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал» (Иоанн, 5, 2–4). Употребляется в значении: ожидающие каких-либо благ.

«их, конечно, поймали». «Не даром же все ротные командиры, сравнивая молодых строевых солдат с “призывными”, постоянно определяли достоинство последних многозначительным прозвищем “*дрянь-людшики...*”»¹⁶ – писал о. Вакх. Необходимо подчеркнуть, что в русских войсках меры предупреждения и пресечения мародерства были самые разнообразные, начиная с того, что «солдат одних в город не пускали»¹⁷.

Генерал-адъютант И. В. Гурко, заметив, что «нестроевые чины, особенно денщики, более других склонны мародерству, пьянству и буянству, разрешил своей властью командирам частей подвергать их телесному наказанию, что сразу прекратило кой-какие шалости»¹⁸, – вспоминал В. Ф. Ореус, офицер, прикомандированный к л.-гв. Уланскому полку. А 8 августа 1877 г. было приказано прочесть приказ по действующей армии, в котором указывалось, что уличенные в мародерстве будут караться смертной казнью¹⁹. Но в дивизионном лазарете 3-й гренадерской диви-

¹⁶ *Гурьев В. В.* Письма священника ... С. 261–263. – *Здесь и далее курсивы даны как в тексте самих священников.*

¹⁷ *Зноско-Боровский Н. А.* Тяжелые минуты на Балканах. (Отрывки из дневника гвардейца) // Сборник военных рассказов [составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.]. Т. 4. СПб., 1879. С. 651.

¹⁸ *Ореус В. Ф.* Воспоминания о походе 1877–1878 гг. // Русская старина. 1884. Т. 43. № 8. С. 420.

¹⁹ *Карпов.* Воспоминания командующего 4-й ротой 5-го пехотного Калужского полка поручика Карпова о войне 1877–1878 гг. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 90. СПб., 1911. С. 129.

зии, как уже отмечалось, было допущено серьезное послабление дисциплины, и это влекло за собой весьма негативные последствия.

У о. Антона составилась несколько иной взгляд на эту проблему (то есть негостеприимство болгар) во взаимоотношениях болгар и русских. «По наружному виду болгар и обстановке их жизни, – писал священник, – можно бы заключить, что в среде их господствует крайняя бедность. Но на самом деле здесь люди вовсе не так бедны». Выяснилось, что болгары не испытывали дефицит земли: на каждую семью ее приходилось «с избытком». К тому же земля была плодородной, луга – роскошные. На них паслись «огромные стада болгарские – овец, баранов, коз и волов». Многие болгары имели «парички и златицы²⁰». «Но все эти богатства у болгар скрыты: живое богатство – скот – пасется в горах, металл хранится в земле. И болгарин ни за какие деньги не выдаст вам тайны своего состояния». Когда русские обращались к болгарам, чтобы купить скот, курицу или яиц, в ответ слышали неизменное: «Нема братушка... Турка забирал!» О. Антон считал, что болгарин боялся сказать, что «у него есть те или другие предметы жизненных потребностей, потому что прежний его господин своими насильственными поборами приучил болгарина к скрытности». Впрочем, когда болгары убедились, что русские «не грабители» и без денег ничего не берут, то «стали кое-что показывать нам и с жадностью бросались на наши златицы». Нередко случалось и так: если болгарин видел, что русскому

²⁰ Парички и златицы (*с болг.*) – монеты (денежки) и золотые монеты.

покупателю та или иная вещь совершенно необходима, то он старался значительно увеличить цену и «взять с русского втридорога». Вспомнил о. Антон и несколько случаев «хитрости» болгар. Так, 2-я гренадерская дивизия стояла бивуаком у Плевны. Командир батареи купил вола, которого привели и закололи, вскоре пришел болгарин и стал жаловаться, что этого быка у него украли и продали русским. Жалобе этой поверили и заплатили болгарину полцены. На другой день повторилась та же история, «на третий день – опять». Понятно, что многие возмущались подобными фактами и «составили о братушках слишком нехорошее мнение», – писал священник. Однако, узнав «причины таких отношений братушек» к русским, о. Антон «неволью» извинял их: «они выросли в рабстве, подчинение из страха научило их хитрить и обманывать, а поведение самого господаря всегда служило для них живым примером нечестности. Наконец, самое положение их во время войны давало им повод хитрить и скрытничать перед русскими». Осенью 1877 г. исход войны был еще не известен, болгары не знали, останется ли у них прежний господин или будет новый. «Нисколько не удивительно, если по нашем уходе отсюда на вымогательства турка братушки будут отвечать ему: “Нема, братушка... всё Рус забирал!”»²¹, – замечал полковой иерей.

О. Антон составил описание внешнего облика болгарина, который был, впрочем, достаточно непривлекателен: «грязное лицо и руки, всклоченные волосы, суровый взгляд,

²¹ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 7–8.

войлоковые или толстые штаны, теплая куртка, по поясу большой красный кушак или просто полотенце, на голове чалма с черной повязкой или, по преимуществу у молодых, красная феска, на ногах сандалии из необделанной бараньей или воловьей шкуры, за поясом нож. Женский пол ходит в рубахах и сарафанах, волосы в одну косу, на ногах башмаки или деревянные сандалии». Однако в городах и у себя дома «люди выглядят лучше»²². У о. Вакха сложилось иное мнение: в Ловче он любовался болгарками, особенно замужними женщинами, которых величал матронами. Последние отличались «своим глубоким патриотическим чувством». «Все они по большей части необыкновенно стройны, красивы, серьезны, даже строги; взгляд у них какой-то внушающий, повелительный; поступь неспешная, величавая». А дочь хозяев-болгар, у которых священник остановился в Ловче и которые перед самой войной выдали ее замуж, оказалась «положительно красавицей»²³.

О. Антон отметил, что «в умственном развитии болгарский народ в массе ушел весьма недалеко». В селениях, лежавших на пути 8-го гренадерского Московского полка, школ не было, только в городах Тырново, Габрово и Казанлыке имелись школы для воспитания городских мальчиков. Поэтому, делал вывод о. Антон, «простой народ блуждает во тьме невежества», а живя среди «роскошной природы», он «и тяготеет больше в ней, хотя способности

²² Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки ... С. 7.

²³ Там же. С. 104–105.

к развитию имеет громадные». Полковой иерей вспоминал о встречах с крайне необразованными, но весьма смышленными людьми. «Если бы болгарам даны были средства к образованию, они не замедлили бы на деле доказать способности к развитию»²⁴, – был уверен русский священник.

Однако ситуация с болгарскими сельскими школами была не столь печальна, как считал о. Антон. В большом селении Трыстеник, где располагался лазарет 3-й гренадерской дивизии, приходская школа размещалась в каменном одноэтажном доме, хотя большинство жилищ за исключением «нескольких домиков и полудомиков, построенных из земляных кирпичей с черепичной кровлей», представляло собой землянки, в которых проживали «болгары вместе со своим домашним скотом, буйволами, коровами, лошадьми и пр.»²⁵. Следовательно, жители Трыстеника имели возможность отстроить для своих детей специальное и притом отличное здание для школы.

В своих записках о. Антон нередко сравнивал болгар с румынами, поскольку сумел познакомиться с последними во время походного марша 2-й гренадерской дивизии, которая, доехав до станции Унгены по железной дороге, двигалась к переправе через Дунай у Систова по дорогам Румынии²⁶. Священник отмечал, что в нравственном отношении болгары стояли выше румын: «разврата не замечается, целомудрие женщин строго охраняется». Только в Тырново проявлялись случаи разврата среди болгарок, и «виноваты

²⁴ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 8.

²⁵ *Гурьев В. В.* Письма священника ... С. 31.

²⁶ Плевна и гренадеры. М., 1887. С. 25.

в этом – “златицы”». «Кто деньгами не прельщается! Но женщин, занимающихся открытым развратом, среди болгарок не существует. Их заменяют в Болгарии румынки»²⁷, – писал о. Антон.

В продолжительное пребывание в Трыстенике (с 25 октября по 28 декабря 1877 г.) о. Вахх составил самое благоприятное впечатление о поведении сельских жителей: болгарин, прежде всего, «постоянно трезвый человек; отсутствие кабаков – это величайшее счастье для болгарина и неизлечимая общественная и семейная язва для нашего русского простолюдина!» – восклицал протоиерей. Благодаря этому болгарин «постоянно скромн, сдержан, рассудителен, миролюбив с соседями, а в своей семье – это тип доброты, мягкости, самого гуманного отношения ко всем членам семьи и, вместе с тем, это неизменно-верный супруг, всецело преданный своему домашнему очагу». О. Вахх находил время, чтобы обстоятельно побеседовать и с хозяином дома, в котором он квартировал, и с болгарами, у которых поселились врачи и офицеры. Последних он просил внимательно наблюдать семейную жизнь болгар и их взаимоотношения, и результат был один: «Мы, так называемые образованные русские люди, должны были только восхищаться прекрасным строем болгарской семейной жизни». Впрочем, о. Вахх не стал вдаваться в подробности, заметив, что на эту тему нужно писать целую монографию и прожить здесь не несколько месяцев, а несколько лет, чтобы все досконально изучить²⁸.

²⁷ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 8.

²⁸ *Гурьев В. В.* Письма священника ... С. 96.

Военные священники находили время, чтобы через задушевную беседу ближе познакомиться с болгарами, понять строй их народной жизни, их чаяния. О. Вахк писал: «Нужно только уметь говорить и обращаться с народом, нужно уметь затронуть и вызвать его истинные чувства»²⁹. Длительное пребывание русских войск на Балканах сопровождалось возникновением разного вида контактов с местным населением. Военные священники встречались с болгарами во время церковных служб, при размещении раненых и больных по домам местного населения, во время их посещения. А в самые напряженные моменты, во время сражений, русским священникам нередко приходилось прибегать к помощи болгар.

Так, 8 (20) июля 1877 г., в разгар ожесточенной схватки 19-го пехотного Костромского полка за Плевну о. Иоанн (Софронов) решил привлечь к выносу раненых с поля боя к перевязочному пункту болгар, которые расположились невдалеке на возвышенности и являлись «зрителями непосильного боя» русских с турками. Их было около 300. О. Иоанн, подъехав к ним, выяснил, что говорить по-русски мог только архимандрит, не старый и благообразный на вид. Русский священник передал ему «свою покорнейшую просьбу» – «переносить раненых воинов, проливших кровь свою за други своя», «унести раненых от неминуемого зверства врага». «Задумчивые и угрюмые болгары обступили архимандрита. Едва архимандрит произнес несколько слов, как более 100 человек болгар поняли, в чем

²⁹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 95.

дело, и бросились бегом, пешими и на ослах, по направлению к Гривице спасать раненых»³⁰, – вспоминал о. Иоанн. Следует сказать, что многие болгары (до 200 человек, включая женщин), убегая от турок, стали приходить к стоянке Костромского полка, который встал бивуаком рядом с селением Трыстеник 1 (13) июля 1877 г. Солдаты делились с ними своими сухарями и по возможности кормили горячей пищей. Поздним вечером 6 (18) июля полк двинулся к деревне Згалуицы (Сгаловец), чтобы 8 (20) июля, согласно приказу командующего Западным отрядом барона Н. П. Криденера, взять Плевну, важный узел дорог в Северной Болгарии. Вместе с костромичами вышли и болгары, «сопутствуя полку впереди, позади и по бокам». 7 (19) июля полк разбил лагерь рядом с Згалуицами. Вдали от деревни ближе к Плевне болгары убирали хлеб, не обращая внимания ни на русских, ни на турок. «Благодушие» обстановки вскоре было нарушено всадниками, которых костромичи вначале приняли за казаков, и только тогда, когда раздались выстрелы по русским цепям и когда турки бросились полосовать мирных болгар шашками, лагерь пришел в движение, артиллерия выехала на позиции и открыла огонь, а кавказский дивизион бросился вслед бегущему неприятелю. К лазаретным линейкам затем принесли восемь раненых болгар, которых врачи перевязали и передали родным, поскольку все болгары были из деревни Згалуицы. Во время

³⁰ *Софронов И.* Из дневника полкового священника 19-го пехотного Костромского полка в кампанию 1877–1878 гг. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб, 1901. Вып. 20. С. 85–86.

страшного боя 8 (20) июля о. Иоанн видел, что болгары действительно добросовестно выполняли взятую ими на себя обязанность: «несли на себе и везли на ослах наших раненых, спасая их от острых башибузукских ятаганов». Резким контрастом явилось поведение полковых музыкантов, которых священник обнаружил прячущимися за стогами. Возмущенный их откровенной трусостью пастырь направил этих здоровых солдат (более 10 человек) на вынос с поля боя тела командира полка полковника И. М. Клейнгауза, но стоило о. Иоанну чуть отъехать, как музыканты повернули назад к спасительным стогам³¹.

Во время августовских тяжелых боев на Шипке о. Александр (Цитович), заметив, что санитары были утомлены до изнеможения, обратился к болгарам, которых «из любопытства весьма много было на перевязочном пункте», чтобы они помогли носить раненых. Болгары сразу же согласились. О. Александр предусмотрительно распорядился назначить к каждому носилкам трех болгар и одного русского санитаря, чтобы кто-нибудь из болгар, взявши носилки, не бросил их за скалой. Эта мера сильно облегчила работу санитаров, и раненых быстрее стали подносить на перевязочный пункт³², что с удовлетворением констатировал священник.

Позднее, 28 ноября (10 декабря) 1877 г., когда шла страшная сеча у Плевны, о. Вах при виде первых раненых и в связи с тем, что весь медперсонал лазарета кроме дежур-

³¹ *Софронов И.* Из дневника полкового священника ... С. 81, 83.

³² *Цитович А.* Из памятной книжки полкового священника. С. 129.

ных фельдшеров срочно отправился на позиции, распорядился, чтобы к нему позвали чорбаджи (сельского старосту) Трыстеника. «Тоном начальства» он приказал ему «сейчас же очистить еще 20 землянок, нанести в них соломы, поставить воды, а если можно, то хлеба, молока, собрать всех болгар, чтобы помогали выносить и укладывать раненых». Свое жилище он предоставил в полное распоряжение раненных офицеров, а сам поспешил к Плевне³³.

О. Вахх рассказал также о содействии болгар, оказанном во время сражения у Плевны 28 ноября. Штабс-капитан 9-го гренадерского Сибирского полка В. С. Гогфельдт (Гохфельд. 1849–1913), прикомандированный к штабу 3-й гренадерской дивизии и исполнявший обязанности коменданта Горного Нетрополя, «собрал, убедил и подвинул нескольких болгарок взять кувшины и нести свежую воду поближе к полю битвы для утоления естественной жажды бедных раненых». Он также «собрал и убедил нескольких братушек идти туда же и помогать... санитарам выносить или отводить раненых; собрал, сколько можно было, воловых и буйволовых подвод для перевозки тяжело раненых»; «убедил, а некоторых жителей и заставил уступить и очистить свои землянки для помещения в них страдальцев, поделиться с ними чем Бог послал»³⁴. Кроме того, после сдачи Осман-паши «по распоряжению начальства» болгары были задействованы в собирании трупов турок, которых закапывали

³³ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 61.

³⁴ Там же. С. 166.

в траншеи по всей позиции³⁵. О. Вакх был свидетелем исполнения этой печальной миссии болгарами вокруг лагеря у Шейнова: казаки-донцы собирали болгар из соседних деревень «в помощь для закапывания человеческих и конских трупов», валявшихся «на протяжении более пяти верст вокруг Шейновского лагеря»³⁶. В Хаскиойе 9-й гренадерский Сибирский полк был специально задержан на четыре недели для уборки трупов как в городе, так и в его окрестностях. «Ужас и ужас! Веришь ли, я боюсь за себя, боюсь одеревенеть, окаменеть, потерять всякую способность к восприятию живых впечатлений... Нервному человеку тут чистая мука, без болезни болезнь... От одних на каждом шагу попадающихся ужасов смерти и истребления поневоле измучишься и нравственно, и физически»³⁷, – писал о. Вакх своей супруге.

В своем походе от Плевны к Константинополю вместе с русскими войсками и лазаретами военные священники миновали множество городов и селений и практически повсюду встречали радушие со стороны болгар, у которых они останавливались на ночь. Болгары предоставляли им хороший обед, вино, постель, даже готовили баню. В Чирпане, где городское управление находилось в руках у болгар, помимо хлебосольного приема о. Вакху и его спутникам выделили конного проводника до Филиппопольского (Пловдивского) тракта.

³⁵ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 70.

³⁶ Там же. С. 127.

³⁷ Там же. С. 153.

О. Григорий (Лапшин) вспоминал о торжественной и теплой встрече видинскими жителями 138-го пехотного Болховского полка. 24 марта (5 апреля) 1878 г. полк из Рущука прибыл в Видин «тремя эшелонами на барках, буксируемых пароходами». Жители города вышли на берег Дуная: представители города по славянскому обычаю с хлебом-солью, а духовенство с крестным ходом, громкое «ура» и «живее» не умолкали, для офицеров и нижних чинов был накрыт обед. О. Григорий объяснял гостеприимство видинцев тем, что русские сменяли румынские войска, к которым «болгары не особенно дружелюбно относились», а также тем, что «русские войска в этих местах первый раз появились, и болгары, естественно, рады были ознакомиться со своим освободителем»³⁸. В продолжение длительной стоянки в Видине добрые отношения только укрепились. О. Григорий свидетельствовал, что за это время не было «ни одного случая столкновения или неприятности с местными жителями». Накануне выступления 6 (18) октября 1878 г. 138-го пехотного Болховского полка из Видина для дальнейшего следования «за Балканы в Херманлы на присоединение к своей дивизии» горожане угостили обедом офицеров и солдат. На площади были расставлены «столы с обильным запасом хлеба, мяса и вина». В плясках и играх, устроенных после обеда, принимали участие и русские, и болгары. «Глядя на эту оживленную картину, на смешанные группы людей,

³⁸ *Лапшин Г. П.* Мирная жизнь 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию. (Из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. 1892. № 13. С. 400.

обнимающихся и целующихся, видно было, что нижние чины полка успели сблизиться и сдружиться с обывателями»³⁹, – с удовлетворением записал о. Григорий.

В калейдоскопе приятных воспоминаний о. Вакха (Гурьева) о болгарских поселениях, однако, есть и иные – в двух городах Казанлыке и Адрианополе его поразило равнодушие членов городского управления, которые даже и не пытались посодержать усталым путникам в обретении ночлега. Бездеятельность городской администрации Казанлыка явилась затем не только серьезным препятствием в нормальной работе лазарета 3-й гренадерской дивизии, но и стала одной из причин развития эпидемии тифа. В Казанлыке врачам дивизионного лазарета гренадер, принявшим раненых от подвижного лазарета 9-й пехотной дивизии – всего 1500 человек, пришлось вступить в настоящую «битву» с членами городского магистрата, комендантом города, окружным начальником, чтобы обеспечить больных приличным и просторным помещением, продовольствием, лекарствами, котлами для приготовления пищи, кухонной посудой, одеждой. В городе имелось много пустых домов с выбитыми окнами и дверями, с разрушенными печками или каминами. Но местная администрация, отговариваясь нехваткой рабочих рук и материалов, не желала утруждать себя хлопотами – выписать их из Габрово, Сливена или Чирпана, которые «нисколько не пострадали и в которых торговля была ключом». В Казанлыке были сосредоточены все склады и огромные запасы Шипкинской армии Сулей-

³⁹ *Лапшин Г. П.* Мирная жизнь ... С. 409.

мана-паши, но из-за безразличной позиции местной администрации всё (продукты, лекарства, одежду и прочее) приходилось «брать только с боя и после нескольких стремительных атак»⁴⁰, – с огорчением констатировал о. Вакх.

Врачи били тревогу по поводу санитарного состояния Казанлыка: в продолжительное пребывание здесь армии Сулеймана-паши «все нечистоты людей и животных никогда не убирались и не закапывались; напротив, вся эта зловонная гниль огромными кучами вываливалась без разбора и по дворам, и среди улиц, и, в особенности, на городских площадях». Приход весны грозил вспышкой эпидемии, но «ничто не в состоянии было разбудить и подвинуть здешнюю администрацию к какой бы то ни было деятельности в этом отношении: ни подвод для отвоза нечистот, ни людей для копания ям в отдалении от города»⁴¹. Эпидемия тифа – прямое следствие пассивности администрации г. Казанлыка.

В Забалканской Болгарии военные священники получили возможность наблюдать воочию взаимоотношения трех основных народов Европейской Турции: болгар, греков и турок. О. Антон (Лебедев) писал, что турки составляли «господствующее население во всех частях своей страны», болгарские селения находились «по преимуществу в Румелии до Адрианополя», южнее преобладали греки, а болгары встречались исключительно в городах. Полковой иерей обратил внимание на то, что каждый народ жил отдельно: в болгарских селениях не жили турки и

⁴⁰ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 134–135.

⁴¹ Там же. С. 164.

греки, в греческих – соответственно болгары и турки, в турецких не было греков и болгар. Только в городах эти три народа проживали вместе, но каждый селился в своем квартале в отдельной части города, отчего все города делились на три части. Дома в городах отличались от деревенских домов своим благоустройством. О. Антон заметил, что у многих греков дома были роскошнее турецких и что греки, занимавшиеся по преимуществу торговлей, жили богаче турок. Греки «не трудятся как русский мужик, они и не так забиты, как болгары. Земля дает им хлеб и обилие плодов земных, а природная хитрость предохраняет их от бед и козней своих соседей»⁴², – писал о. Антон.

«Познакомившись несколько с турецким народом и достаточно узнавши греков», о. Антон и его сослуживцы по 8-му гренадерскому Московскому полку убедились, что «между болгарами и турками не было бы сильной вражды, а тем более резни и зверств, если бы между ними не замечались греки». Русские подчеркивали большие различия в жизни и положении двух православных народов, греков и болгар, «среди одного и того же врага христиан»: «болгары бедны, забиты, их режут, вешают», а греки – «зажиточные купцы и живут припеваючи». 2-я гренадерская дивизия стояла в г. Узун-Кепре (Мост-Узун), в котором турки «повесили 40 болгар и ни одного грека!» Выяснилось, что болгар казнили только за то, что они радовались успехам русского оружия и с нетерпением ожидали своих защитников. «Кто

⁴² *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 14, 16.

мог узнать эту задушевную радость болгар и выдать их с головою туркам – об этом не трудно догадаться»⁴³, – писал о. Антон.

О. Вакх, направляясь из Казанлыка в Адрианополь, с радостью наблюдал весенне-полевые работы: «болгары и турки со всеми своими уцелевшими домочадцами роются в земле как муравьи; везде кипит горячая, спешная работа – очистка и пересадка розовых и виноградных кустов». «Удивительно, как скоро мирный земледельческий труд примиряет между собою людей!» – восклицал священник. Еще недавно два народа, два соседа в страшной вражде «беспощадно резали друг друга, грабили и опустошали взаимно свои скудные пожитки», а «с заключением военного перемирия как будто везде заключено и перемирие соседское, общественное». О. Вакх не сомневался в том, что недавние непримиримые враги, возделывая землю, оказывали «при этом друг другу те или другие услуги, необходимую помощь, взаимные одолжения». В самом Казанлыке русских поражали взаимоотношения турок и болгар: «На улицах, на базаре они толпятся вместе, торгуются, спорят, опять слаживаются, как будто между ними никогда ничего не бывало». А сам город по-прежнему сохранял следы «той страшной, нечеловеческой вражды, которая так недавно еще свирепствовала здесь со всеми своими разрушительными ужасами» – безжизненные развалины домов, еще не везде убранные трупы. «Это замечательное, чисто психическое явление мы с удивлением наблюдали и в Казанлыке,

⁴³ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 20.

и в Габрове, и на всем нашем маршевом пути от Плевны»⁴⁴, – писал о. Вакх.

Разумеется, военные священники с особым вниманием вглядывались в церковную жизнь болгар, поэтому в их воспоминаниях содержится много интересных наблюдений. О. Антон констатировал, что в Болгарии храмов было достаточно, а их «устройство совершенно сходно с румынским»; только за Балканами внешняя форма иная: их устраивают «в простых домах, ни колоколов, ни креста не позволялось иметь. Внутри – бедность и простота»⁴⁵. В с. Трыстенике находилась полуразрушенная каменная церковь, в Горном Нетрополе, в пяти верстах от Трыстеника, где дислоцировался штаб 3-й гренадерской дивизии, стояла небольшая каменная церковь, которая не была разрушена турками, но зато дочиста ими разграблена и осквернена. Пожилой священник, наученный горьким опытом, заранее спрятал в земле все иконы и утварь, но остались иконы, написанные на стенах и в нишах алтаря, «их-то и не пощадил дикий турецкий фанатизм: у Христа Спасителя и у Божьей Матери штыками изbodenы⁴⁶ пречистые очи». Болгарский священник рассказывал, что «турки после июльских событий с каким-то диким опьянением бросились неистовствовать в болгарских селениях на этой стороне Вида и, между прочим, бесчинствуя и богохульствуя во святых храмах,

⁴⁴ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 143–144.

⁴⁵ Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки ... С. 8–9.

⁴⁶ «Выколоты» (Ср. церковно-слав. изbodenie «прокол»).

старались обращать их в самые нечистые, непотребные места»⁴⁷. О. Григорий (Лапшин) весьма нелестно отзывался о болгарских храмах: «бедны и неблаголепны, а иконопись в них в совершенно первобытном состоянии»⁴⁸. О. Антон (Лебедев) свидетельствовал, что у болгарских священников св. одежды были ситцевыми и шерстяными (в России верхнее облачение для богослужения изготавливалось из парчи), а св. сосуды (потир, дискос, звезда, лжица, копие, дарохранительница, сосуд для хранения св. мирра) оловянные и медные, которые в русских храмах запрещены⁴⁹.

О. Антон отмечал, что духовенство, по крайней мере, сельское, ничем не отличалось от поселянина: «одежда одна и та же, о рясах и подрясниках и помину нет ни дома, ни в храме». В городах он иногда встречал священников «в духовной румынской форме, и непременно в черной». О. Вакх также сокрушался по поводу внешнего вида священника в Трыстенике, которого «ничем нельзя было отличить от простолюдина: такое же убогое рубище, свитка, одинаковы и шапка, и обувь»⁵⁰.

Военные священники узнали, что болгарские священники, не получая никакого содержания, жили пособиями от прихожан и полностью от них зависели. В народе их называли попами, по своему образованию большинство из них стояло «немного выше своих прихожан: умеют читать, писать и считать». Тем не менее, они пользовались «большим

⁴⁷ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 38.

⁴⁸ Лапшин Г. П. Мирная жизнь ... С. 411.

⁴⁹ Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки ... С. 9.

⁵⁰ Гурьев В. В. Указ. соч. С. 43.

уважением от народа» и имели «большое влияние на него»⁵¹.

О. Вакх рассказал о посещении убогого жилища болгарского «старика-священника» в Трыстенике – попа Стояна: «Вот нищета поразительная, душу раздирающая!» «В переднем углу землянки грыз кукурузные стебли привязанный на веревке барашек, а из глубины задней части выглядывали две бессмысленные головы белоглазых буйволов». Для о. Вакха быстро расстелили прямо на земляном полу дырявую циновку и предложили в качестве угощения горячую полужидкую мамалыгу, заправленную бараньим жиром и сильно сдобренную перцем. По просьбе гостя болгарский священник, принеся довольно еще новый «Великий Требник» московской печати, начал читать, но о. Вакх усомнился в том, что болгарский коллега «понимал» читаемый им текст. Русский протоиерей отмечал, что болгары понимали «древнеславянский язык, от которого сохранилось много слов и грамматических форм в их современном народном языке», и это обстоятельство облегчало о. Вакху, знавшему церковно-славянский язык, объясняться с болгарями. При виде грязного-прегрязного свертка, бережно развернутого и оказавшегося епитрахилью хозяина дома – «священной богослужебной одеждой», у о. Вакха слезы подступили к глазам, а поп Стоян, «с грустью качая своей седой головой, пояснил: “Всичко Турек забирал”». На прощанье о. Вакх подарил хозяйке серебряный рубль, а внучке священника – двухфранковую монету. Деньги болгары

⁵¹ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 8.

«стыдливо приняли» только после слов о. Вакха – «на память»⁵².

О. Вакх также поведал о посещении другого болгарского священнослужителя и его семейства в селе Горный Нетрополь. Его жена, «женщина пожилая уже, в длинной толстой холщевой рубаше, в доморощенно-суконной короткой свитке, расшитой шнурками, с закутанным в белую чадру лицом, босая, сидела по-турецки на земле у очага, окруженная тремя босыми, полунагими ребятишками. Она жарила для них кусок баранины, держа его одной рукой над угольями и поворачивая за реберную косточку, а другою поминутно отстраняла то одного, то другого ребенка, которые с криком и жадностью порывались вырвать у нее из рук лакомый для них кусок... Обстановка землянки ужасна. До слез было больно смотреть на это положение истинно безотрадное, на эту нищету безвыходную...»⁵³, – сокрушался о. Вакх.

Неприятно поражали военных священников многие реалии религиозной жизни болгарского населения. Так, 6 (18) ноября 1877 г. о. Вакх после воскресного богослужения обходил со св. крестом все лазаретные шатры и землянки, где помещались больные. Он отмечал благотворное влияние этих посещений на больных, которых в то время было 298 человек. «Многие со слезами радости и горячей молитвы прикладываются к кресту, слабые подползают на коленях, а к самым слабым, не могущим повернуться, сам я

⁵² Гурьев В. В. Письма священника ... С. 43–44.

⁵³ Там же. С. 38.

подползаю... Посмотрели бы вы, с какой невыразимой отрадой встречают меня эти недугующие, страждущие!» Но о. Вакха удручило поведение болгар: при встрече с русским священником, в полном облачении, со св. крестом в руках, с торжественным пением «*Спаси, Господи, люди Твоя*», даже старики не снимали шапок, не прикладывались ко кресту, не умели правильно перекреститься. А малые дети и подростки совсем не имели никакого понятия «даже о внешней стороне христианства». Однако и поп Стоян «не счел приличным снять с головы шапку, перекреститься, приложиться». О. Вакх заставил его и его спутников «снять шапки, перекреститься и приложиться ко кресту», и затем только пошел дальше⁵⁴.

В Казанлыке точно в такой же ситуации, когда о. Вакх при посещении больных переходил из дома в дом, болгары, хозяева этих домов, везде выходили русскому священнику «навстречу за ворота и с видимым благоговением прикладывались ко кресту; все встречавшиеся на улице точно так же снимали шапки и с глубоким почтением подходили, крестились и прикладывались; а дети целую толпой сопровождали» процессию, слушая «стройное пение певчих». О. Вакх, отмечая этот отрадный факт, делал вывод о том, что «здесь, в Казанлыке, и вообще, как говорят, за Балканами болгары гораздо религиознее и развитее, нежели по ту сторону, около Дуная». Но может быть дано и другое объяснение: болгары Казанлыка, попав в сферу действий русской армии, быстрее переняли внешние религиозные обычаи русских, чему значительно способствовали и победы

⁵⁴ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 42–43.

русского оружия. О. Вакх также сообщил мнение о том, что «турецкое влияние гораздо сильнее отразилось на жителей по ту сторону Балкан, нежели здесь, в долинах Тунджи и Марицы, где и самое население болгарское гораздо многочисленнее»⁵⁵.

Известно, сколь много внимания уделялось в русской армии благоговейному, чинному совершению богослужения в полковых церквах как важнейшей форме религиозно-нравственного воспитания военнослужащих. Благолепному богослужению много способствовало церковное пение, и одна из обязанностей полкового иерея состояла не просто в управлении церковным хором, а в неустанной заботе о его развитии. Воспоминания военных священников свидетельствуют о том, что во время молебнов они возносили, прежде всего, хорошо известные солдатам молитвы, поскольку прекрасно понимали их значение на войне. Поэтому для полковых священников неожиданным открытием было то, что «у болгар по деревням при всех богослужениях не употребляется церковное пение – священник читает ектению и сам же себе отвечает на все возгласы». О. Вакх писал, что болгары поэтому просто говорили – «поп читал обедню, вечерню, молебен или какое-либо другое молитвословие», а не «служил, отправлял, совершал богослужение». Болгарские священники, по замечанию о. Вакха, сами весьма слабо понимали церковно-славянский богослужбный язык. Подобная форма «читанного богослужения» «невыносимо скучною монотонностью», как и непонимание языка бого-

⁵⁵ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 141.

служения простыми болгарами, не привлекают, а скорее отталкивают прихожан. Болгары, писал о. Вахх, посещали свои храмы очень редко, неохотно и на самое короткое время: поставят свечу и поскорее уходят домой. «В церкви ничто их не привлекает и не интересует»⁵⁶.

Но и богослужение в храмах болгарских городов, как и в сельских церквях, вызывало у русских священников критическое отношение. Так, о. Вахх пришел 1(13) января 1878 г. на литургию в Ловече. Служил молодой болгарский священник «и ужасно путал; между тем, в алтаре стояли, не участвуя в службе, более десяти священников». И здесь болгары и, особенно, болгарки, лишь на минуту входили в церковь, «ставили свою тоненькую желтую свечку и сейчас же удалялись из церкви». Одни только русские солдаты стояли неподвижно и чинно. О. Вахх, переговорив со священником подвижного лазарета 3-й пехотной дивизии, приказал певчим дивизионного лазарета гренадер «стать на клирос и начать пение с Херувимской песни». «Зазвенел наш Тамберлик (рядовой 11-го гренадерского Фанагорийского полка Шебелов – превосходный тенор. Прозвание Тамберлика получил от начальника дивизии)». В церкви «мгновенно водворилась тишина», и движение прекратилось: болгары и болгарки «с заметным удовольствием» вслушивались «в гармоническое пение». К концу обедни церковь была «полна до тесноты, и все стояли как вкопанные...» «Что значит церковное пение! Какое оно имеет громадное значение в религиозно-народной жизни!» – восклицал русский священник.

⁵⁶ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 94.

Надо сказать, что русские с трудом воспринимали церковное пение болгар. О. Антон (Лебедев) констатировал: «Пение громогласное с различными вариациями»⁵⁷. О. Вакх отзывался о пении болгарских священников, слышанном им в Ловче, Габрове, Эски-Загре, как о пренеприятном, но оказалось, что «пение греческих монахов в Чорлу положительно невыносимо. Это какой-то колоссальный диссонанс, мучительно терзающий уши и невольно возбуждающий нервное раздражение». О греческой манере петь русский священник писал: «Пение возбуждает у греков какой-то азарт, энтузиазм, каждый певец приходит в экстаз и дерет, не слушая других, не помня себя...»⁵⁸.

Но вернемся в церковь в Ловче, где в продолжение литургии 1 января о. Вакх стоял в алтаре «и смотрел на братушек во Христе, болгарских священников». Их поведение «во святом алтаре, у престола Божия, во время совершения величайшего таинства» было, по его мнению, «более нежели предосудительно». «Они бродили по алтарю, громко разговаривали, даже ссорились между собою, спорили о чем-то с видимым азартом, не обращая ни малейшего внимания на то, что в глазах их совершалось на престоле Божиим». О. Вакха и священника подвижного лазарета 3-й пехотной дивизии окончательно вывело из себя то, что один довольно уже пожилой болгарский поп «по окончании литургии, в то время как литургисавший священник потреблял на жертвенник Св. Дары, преспокойно тут же, в алтаре, надел свою баранью шапку». Русские священники «не

⁵⁷ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 9.

⁵⁸ *Гурьев В. В.* Письма священника ... С. 191.

могли не заметить ему все неприличие его поступка». Но, как оказалось, «у болгар все это допускается, и потому никого не возмущает»⁵⁹.

Пройдя через Плевну, Ловчу, Габрово, Казанлык, Эски-Загру, Хаскиойе, лежавшие на маршевом пути гренадер, и очутившись, наконец, «в пустынном Чорлу», о. Вахх везде с прискорбием наблюдал одну и ту же картину в церкви – необычную неряшливость, допущенную в св. алтаре болгарским и греческим духовенством. «Кучи всяческого мусора сваливаются под престол, тут и половые щетки, и тряпки, пустые бутылки, разбитые лампадки, бумажки с поминальными записями и всякий другой хлам. На горнем месте то же самое. На престол священники кладут свои ризы, когда разоблачаются после богослужения; прислужники кладут и снимают с него не только богослужебные книги: служебники, канонники или поминальные записочки, облачение, но даже и св. Крест и Евангелие; подобрав на полу какую-нибудь бумажку, мочалку и т.п., церковный прислужник преспокойно подходит к престолу, подымает одежду и бросает туда этот сор»⁶⁰. Разумеется, военные священники, получив греческую церковь в Чорлу в свое распоряжение для проведения богослужений для русских воинов, сразу ввели в ней свои порядки: «прежде всего очистили алтарь от мусора и пыли, которая, накопившись годами, лежала на всем очень толстыми слоями». Русские через переводчика объяснили грекам, что в России «алтарь

⁵⁹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. С. 104.

⁶⁰ Там же. С. 190.

и, в особенности, св. престол почитаются величайшею святыней, что прикасаться ко престолу, кроме священника и диакона, никому не дозволяется, что класть на него книги, записочки, облачение – строжайше воспрещено»⁶¹.

Порядок и благообразие не соблюдались и в такой великий праздник как Крещение Господне во время крестного хода на Иордан (Янтру) болгарского духовенства в г. Габрово. Впереди всех «выступал какой-то мальчишка в шапке» «с большою книгой в руках и выкрикивал: “*Глас Господен на водах вопиет, глаголя*”», за ним шли «несколько священников в крайнем беспорядке, а один из них, уже пожилой, в ризах, с Евангелием в руках, далеко отстал от прочих и шел среди толпы женщин, с которыми с видимым увлечением о чем-то разговаривал...»⁶².

Понятно, что болгарская паства следовала примеру своих пастырей. В Ловче во время литургии некоторые из болгар стояли в турецких фесках на головах, а по окончании службы тут же, в церкви, многие надели шапки⁶³. О. Александр (Цитович) также указывал, что греки, как и болгары в церкви стояли в фесках, «но подражая русским, они теперь, входя в церковь, скидают фески и стоят с открытыми головами»⁶⁴. Небрежение в церкви переносилось и в дом: о. Антон вспоминал, что в редком доме можно было видеть св. иконы, да и те содержались неаккуратно. Сама иконная

⁶¹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 190.

⁶² Там же. С. 108.

⁶³ Там же. С. 104.

⁶⁴ Цитович А. Из памятной книжки полкового священника. С. 151–152.

живопись казалась русским странной, о. Александр (Цитович) предполагал, что иконописание у болгар «не цензурное». Он увидел в приходской церкви села Ашиклара «святого, изображенным с феской на голове; феска намалевана красной краской и к ней даже приделана кисть – значит святой изображен в парадной форме турецких аскер (солдат)»⁶⁵. О. Антону (Лебедеву) также случилось видеть в одной деревне за Балканами в болгарском доме икону, на которой был изображен святой в красной турецкой феске⁶⁶. Это новомученик Георгий Янинский (1808–1838), который после истязаний был повешен турками за то, что не хотел принимать ислам, и через год (в 1839 г.) был канонизирован при Константинопольском патриархе Григории VI. Георгий Янинский является покровителем Янины, и его почитание распространено в Западной Македонии и Эпире.

Без сомнения, военные священники, осматривая болгарские города, заходили и в мечети. Особенно великолепна была знаменитая мечеть Селима в Адрианополе (Эдирне). Болгарские и греческие церкви, построенные во время владычества турок, по сравнению с мечетями «замечательны разве только своими очень скромными размерами и своим крайним убожеством» и порождали «гнетущее чувство»⁶⁷.

В городах, через которые прошли русские войска и где создавалась местная администрация из болгар, многие мечети передавались православным. В Эски-Загре о. Вакх за-

⁶⁵ Цитович А. Из памятной книжки полкового священника. С. 152.

⁶⁶ Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки ... С. 7.

⁶⁷ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 182.

шел в такую мечеть, обращенную в церковь. Она производила странное впечатление: «в куполе и по стенам огромные турецкие надписи из Корана, а в одном углу ничем не покрытый столик и на нем христианская икона и деревянный крест с Распятием; на столике славянские богослужебные книги московской печати, по которым совершается православное богослужение». На вопрос русского священника, отчего не уничтожены турецкие надписи, болгарский священник «skonфyзился, даже растерялся и нерешительно» ответил, что еще не успели сделать. Но о. Вахх понял, что «на самом деле они еще боятся турок, еще не верят в благополучный для них исход настоящей войны и оставляют турецкие надписи из опасения, что турки могут снова вернуться и тогда им, болгарам, придется жестоко заплатить за поругание магометанской святыни...»⁶⁸. Кроме того, по-видимому, болгары еще не успели забыть страшную резню и погром после отступления Передового отряда. Посетили русские гости эту мечеть-церковь «во время общего поминовения усопших в субботу мясопустную: толкотня страшная и беспорядок возмутительный – бабы-болгарки шумят и толпятся со своими панихидами (коливо), мальчишки в шапках бегают по церкви во время самого богослужения!»⁶⁹.

Рассказы о. Вахха о пребывании в Чорлу, о своем общении с греческим духовенством, о церковных порядках и службах в греческой церкви убеждают в том, что болгарская церковь, которая в 1870 г. обрела свою самостоятельность

⁶⁸ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 175–176.

⁶⁹ Там же. С. 176.

в борьбе с Константинопольским патриархатом, во время нахождения русской армии на Балканах во многом сохраняла весь прежний строй церковной жизни. В Чорлу о. Вакх обратил внимание на то, что местные греки так же, как и болгары, редко ходят в церковь, даже в Великий четверг на торжественное богослужение Двенадцати Евангелий «явилось не более десяти-пятнадцати стариков», хотя на хорах, устроенных по восточному обычаю специально для женщин, «за густыми решетками блистали многочисленные огоньки»⁷⁰.

Во время долгой стоянки в Трыстенике о. Вакх с прискорбием узнал, что болгары «своих детей-девочек не крестят до 14 и 15 лет в том предположении, что девочка, достигнув совершеннолетия, может выйти замуж за турка, тогда ей не нужно будет переменять веру»⁷¹. Любопытно, что о. Антону (Лебедеву) о подобной практике поведал бедный болгарский священник, вероятно, в одном из забалканских городов, однако из его рассказа следовало, что так поступали не болгары, а греки. Объясняя русскому священнику, почему турки не одинаково относились к болгарам и грекам, болгарский священник сообщил, что «греки жили заодно с турками». Когда приезжал в город какой-нибудь турецкий начальник, паша или офицер, «они предлагали ему и жен, и дочерей, жаловались» на болгар, клеветали на них «и, чуть придет беда, отрекались от своего православия». Болгарин утверждал также, что *«многие греки не крестили*

⁷⁰ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 214.

⁷¹ Там же. С. 43.

своих дочерей, чтобы выдать их за турок, потому-то им и жилось хорошо!» Ни один болгарин «не решался на это и потому терпел»⁷².

Во время своего пребывания в городах и селениях Европейской Турции русские старались не только существенно оздоровить в них санитарную обстановку, вычищая улицы от многолетних залежей мусора и навоза, но и улучшить материальное состояние православных церквей. Так, например, церковь в Горном Студене, куда переехала Главная квартира вместе с императором Александром II, «надрывала сердце» русских своей убожеством. «Снаружи он (храм. – М. Ф.) походил на какой-то большой каменный и не оштукатуренный сарай, почти без окон и с низким входом». «Внутри вместо царских врат были двери, сколоченные из двух досок; грязная, порванная ситцевая занавеска прикрывала их; лубочные образа, нарисованные на бумаге, представляли из себя иконы; окна не имели рам; за неимением колокольни и колокола жителей призывали на молитву ударами колотушки в железную доску. Священник служил без риз, и одеяние его состояло из грязной накидки, сшитой из тряпок». Сначала по приказанию генерал-майора М. П. Тучкова окна были заклеены бумагой, престол обит материей, была сшита новая завеса, повешено несколько икон. После торжественного освящения церкви император пожертвовал в храм иконостас, а свита собрала по подписке

⁷² *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 20.

деньги, чтобы выписать из России церковную утварь, образа и другие необходимые для богослужения принадлежности⁷³.

Подобные щедрые дары изливались и на другие церкви. С 6 ноября 1878 г. 138-й пехотный Болховский полк был расквартирован близ Херманлы, в селах Тырново-Семенли и Оваджике и в деревне Кучук-Еренджике. Одновременно с устройством помещений для офицеров и солдат начальник 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н. Е. Баранов, хотя и был евангелическо-лютеранского вероисповедания (принадлежал к той ветви старинного русского дворянского рода, которая, переселившись в XVI в. в Прибалтику, совершенно онемечилась), в заботе о нравственно-религиозных потребностях солдат приказал привести в приличный вид местную церковь села Семенли. В одном из полков дивизии – 139-м пехотном Моршанском – среди солдат было «много недурных иконописцев». Они написали иконы для всего иконостаса, полковые столяры сделали иконостас по рисункам Н. Е. Баранова. На пожертвования офицеров дивизии приобрели церковную утварь. И «обновленный храм производил очень приятное впечатление»⁷⁴, – констатировал о. Григорий (Лапшин).

Военные священники нередко служили вместе с болгарскими и старались научить их некоторому порядку богослужения, принятому в России. Так, на Рождество Христово

⁷³ *Серафим (Чичагов Л. М.)*. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб., 1995. С. 266.

⁷⁴ *Лапшин Г. П.* Мирная жизнь ... С. 411.

о. Вакх (Гурьев) служил вместе с попами Трыстеника Стояном и Нико в здании школы, где прежде размещались большие дивизионного лазарета, поскольку, как уже было сказано, церковь села Трыстеник стояла полуразрушенной. Болгар было много, но, по замечанию русского священника, «бедные, они и креститься почти не умеют». Внешняя обстановка службы, которую совершал о. Вакх, то есть красивое облачение, блестящий крест в руках, серебряное кадило, а также его «громкое, раздельное, понятное произношение возгласов, молитв, Евангелия», стройное, звучное пение полковых певчих – «все это вместе производило на болгар сильное впечатление и, видимо, им нравилось», – полагал о. Вакх. По окончании литургии он объяснил значение молебна, который совершался русской церковью в первый день праздника Рождества Христова «в память избавления России от нашествия французов в 1812 г.». Болгары слушали «с большим вниманием и любопытством»: почти все они понимали по-русски, а некоторые, как отмечал о. Вакх, даже говорили, «хотя, конечно, с грехом пополам». В конце молебна, после вечной памяти императору Александру I, о. Вакх «произнес многолетие всероссийскому, румынскому, сербскому, черногорскому христолюбивому воинству и защитникам своего многострадального Отечества – болгарским дружинам». Это «многолетие произвело на болгар сильнейшее впечатление»: «они не знали как и чем выразить свой восторг, заговорили громко, зашумели и, подходя ко кресту, целовали меня со слезами радости, а по выходе из школы они устроили мне целую овацию – проводили до самой квартиры с восторженными криками: “Да

живей Русский Царь, да живей русский поп на многа лета!»⁷⁵, – писал о. Вакх.

Заслуживает внимания рассказ о. Григория (Лапшина), которому довелось участвовать 7 августа 1878 г. во встрече видинского митрополита Анфима, первого экзарха Болгарского экзархата (1872–1877). В начале апреля 1876 г. он был смещен и затем сослан Портой в Малую Азию как «ухо России», по выражению самого Анфима. После заключения Сан-Стефанского договора митрополит был амнистирован и «полуразбитый параличом» вернулся в свою епархию. Русские власти, все жители города, духовенство во главе со своим викарным епископом Парфением с крестным ходом вышли навстречу старцу к селению Видбон, в 7 верстах от Видина. Преосвященный Парфений попросил о. Григория привести собор Видина в тот порядок, какой устраивался, когда в нем служил русский священник, так как «блаженный Анфим, уверял епископ, очень любит русские порядки в храме». О. Григорий собрал всех полковых певчих и встретил экзарха при входе в храм кратким приветствием с крестом в руках, а певчие пропели «Достойно есть» и «Многая лета». Собравшееся болгарское духовенство «нестройно и беспорядочно столпилось в одну группу для принесения Господу благодарственных молебствий». Затем русский иерей по просьбе Анфима служил молебен, после которого видинский митрополит, прозванный за свое красноречие «болгарским Златоустом», произнес речь. Со слезами на глазах старец «высказал свою радость, видя болгарский народ свободным от ига турецкого, перечислил

⁷⁵ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 95.

жертвы, принесенные русским народом за болгар, и именем Божиим и слезно убеждал болгар помнить и вечно благодарить русского императора и русский народ за все эти жертвы, при этом просил все хорошее перенимать и усвоить, учиться у старшего брата». «Вид плачущего старца, его полная убеждения и чувства речь имели поражающее впечатление: с ним плакала почти вся церковь», – вспоминал о Григорий. Митрополит видинский сердечно поблагодарил русского священника «за великое удовольствие, доставленное ему стройным пением полковых певчих», и просил «к предстоящему воскресному служению прорепетировать с певчими архиерейское служение и указать место и долю участия каждого из болгарских священников, имеющих участвовать в служении»⁷⁶.

О. Григорий исполнял службу совместно с болгарским духовенством в течение Страстной недели. Болгарам понравилось «стройное пение господ офицеров на правом клиросе и нижних чинов на левом» во время Пасхальной утрени. После литургии многие болгары приходили к полковому иерею с поздравлениями, прислав предварительно подарки: яйца или калач, кусок жареной баранины, графин вина или что-либо из «женских рукоделий». О. Григорий узнал, что, согласно обычаю, он тоже должен посылать подарки, но за неимением таковых ему пришлось одаривать рублями, что, впрочем, не считалось у болгар неприличным. А вот христосоваться и целоваться в Пасху с мужчинами

⁷⁶Лапшин Г. П. Мирная жизнь ... С. 407–408.

считалось у болгар не обязательным, а с женщинами – даже непозволительным⁷⁷.

У о. Григория сложились хорошие отношения с митрополитом Анфимом: два-три раза в неделю старец или приглашал русского священника к себе, или сам к нему приезжал, а также брал с собой кататься за город на виноградники. О. Григорий писал, что они заезжали на виноградники не только к болгарам, но и к туркам, которые принимали священнослужителей «крайне любезно и с неподдельным радушием». Анфим часто и с удовольствием «вспоминал время пребывания своего в Московской академии [духовной – М. Ф.] и называл это время лучшими годами своей жизни, рассказывал о своей деятельности во время греко-болгарской распри, о своей жизни в Константинополе, о католической пропаганде и о своей жизни в ссылке, при этом очень хвалил добродушие и нравственные качества малоазиатских турок». На прощание он подарил о. Григорию свою карточку с собственноручной надписью⁷⁸.

А у о. Вакха с греческим протосинкелом, настоятелем монастыря в Чорлу, теплые отношения так и не сложились. Он даже не указал имени грека, а только отметил, что протосинкел – «человек еще молодой, очень красивый, статный, осанистый – настоящий кровный фанариот», «живет не в монастыре, а на частной квартире в самом городе». Объяснения с греком шли через переводчика-болгарина, который с о. Вакхом говорил по-русски, а с протосинкелом –

⁷⁷ Лапшин Г. П. Мирная жизнь ... С. 401–402.

⁷⁸ Там же. С. 408.

по-турецки. Уже первый визит к греческому настоятелю выявил почву для будущей холодности в отношениях. Протосинкел принял благочинного 3-й гренадерской дивизии чрезвычайно любезно и предупредительно, по восточному обычаю угостив гостя сладостями, без всяких возражений передал в полное распоряжение русских соборную церковь монастыря на все время поста. Но затем о. Вакха неприятно удивило то, что грек хранил в одном шкафу с посудой Евангелие – «в отличном бархатном переплете с золотом», а также шкатулочку с золотыми крестиками, в каждом из которых, по уверению грека, находились частицы св. мощей. Однако благоговение, с которым о. Вакх приложился к крестикам, тут же исчезло от замеченной на лице протосинкела «лукавой, саркастической улыбки». Настороженность, возникшая при этом у русского священника, оказалась не напрасной: хитроумный грек предложил ему купить несколько крестиков, а в России их продать с большой выгодой. Затем после деликатного отказа, он достал «несколько мелких камешков, величиною в горошину, завернутых в разноцветные бумажки», и заявил, что «эти камешки от гроба Господня, что он их получил в дар от самого патриарха Иерусалимского и что также в знак своего великого уважения» к о. Вакху и «ко братству во Христе он готов уступить их» ему «за самое ничтожное вознаграждение». Разумеется, «это торгашество якобы священными предметами» возмутило русского священника до глубины души.

Во время ответного визита к о. Вакху протосинкел вновь попытался заручиться поддержкой благочинного в своих коммерческих предприятиях: он предложил ему

распространить среди офицеров и солдат сведения о том, что у него «*продаются* по дешевым ценам разные останки церковной святыни и что желающие приобрести от него что-нибудь могут обращаться за этим непосредственно в его квартиру»⁷⁹. Затем протосинкелу не могло понравиться то, что договор с русскими на поставку им свечей и просфор был аннулирован, поскольку они были низкого качества. Свечи изготавливались греками не из чистого пчелиного воска, а из растительного⁸⁰ с примесью овечьего сала, отчего такая свеча начинала в руках сразу мякнуть и расплываться. Для совершения литургии греки употребляли не пять, а одну «большую просфору с пятью на ней печатями» и изготавливали ее «из простой пшеничной муки с прибавлением к ней или ячменной, или кукурузной», поэтому греческие просфоры выходили «темные, черные и притом очень низенькие, что-то вроде двух лепешек, положенных одна на другую». Из-за этого военные священники решили все выписывать из Константинополя или Одессы.

Благолепие службы, отправляемой русскими священниками, стройность, мелодичность и благозвучие хора полковых певчих, чинное поведение русских во время службы – все находилось в явном контрасте с греческим ведением богослужения, с греческим «громким, резким, гнусливым завыванием», с бесцеремонностью греческой паствы в церкви. Превосходство русских задевало греков, которые

⁷⁹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 188–189.

⁸⁰ Растительный воск – добывается из растений. Многие растения обладают способностью продуцировать восковидные вещества. Воск создает защитную пленку и покрывает ей различные части растений: стебли, листья, цветы, плоды.

остались явно недовольными совместным богослужением в Великий четверг вечером (на службе 12-ти Евангелий), а «протосинкел просто был сердит и поглядывал как-то свирепо»⁸¹. Явственно обозначившиеся нелюбезность и сухость в отношениях в тот день остались такими же и в дальнейшем.

Военные священники свидетельствовали, что болгары с видимым удовольствием посещали богослужения, которые отправляли полковые иереи, перенимали некоторые формы поведения в церкви, с благодарностью воспринимали участие русских иереев в их религиозной жизни и порой предпочитали приглашать русских для совершения церковных обрядов, а болгарские священники охотно служили вместе с русскими и нередко уступали обычаям русских при служении литургии.

Реалии церковной жизни болгарского населения, с которыми военные священники познакомились в период пребывания русской армии в Европейской Турции, воспринимались ими с заведомой критикой, но без осуждения. Все недостатки и нестроения в церковной дисциплине, как и отсутствие благолепия объяснялись тяжким многовековым иноверческим владычеством, тяжелым положением церкви и ее паствы. Военные священники были уверены, что можно будет исправить все эти недостатки и водворить в болгарских храмах необходимое благочиние после принятия коренных мер со стороны руководства болгарской церкви.

⁸¹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 190, 214, 216.

Тяжелые военные дороги Балканского полуострова, ведущие от Дуная до берегов Мраморного и Эгейского морей, позволили военным священникам узнать в деталях повседневную жизнь болгар, понять и вникнуть в их заботы, думы, надежды, а также, проанализировав свои впечатления и приобретенные знания, сформулировать некоторые выводы. О. Антон (Лебедев) заключал: «Наши братушки придунайские и забалканские – все шиты на одну колодку: грубы и необразованны и составляют единое стадо баранов, пастырем которых долгое время был “злой турка”. Но не все из них одинаково терпели от своего пастыря. На убогих лачужках забалканских братушек, на их рваной и грязной одежде, на их серьезно-унылых лицах яснее отразился турецкий гнет, под которым выжили они пять столетий. Эти несчастные терпели не только от турок, но и от своих братьев и соседей – греков. <...> Нельзя не пожалеть их тем более, что забалканские болгары беднее, добрее и более сочувственно относились к русскому народу, чем северные»⁸².

О. Григорию (Лапшину) во время пребывания полка в Видине довелось близко познакомиться с известными впоследствии, видными болгарскими деятелями: Петко Каравеловым, Драганом Цанковым, Др. Моловым и капитаном Николаевым. Все они, кроме Цанкова, были людьми уже средних лет, обучались в свое время в России, о которой сохранили наилучшие воспоминания. На тот момент они не занимали еще видные должности, но «и тогда уже этот маленький кружок образованных болгар стремился

⁸² *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 19.

к власти и проявлял крайнюю рознь во взглядах на будущую политическую жизнь в Болгарии», – свидетельствовал о. Григорий. В этом кружке иногда появлялась «молодежь из учителей болгарских школ», получивших воспитание в Австрии и Венгрии. На о. Григория эти молодые люди производили неприятное впечатление: «без любви к Родине, без православных убеждений, даже без веры в Бога, со взглядами иезуитской школы, что цель оправдывает средства». Кроме того, они постоянно выражали «глухую, сдерживаемую только присутствием русских злобу к существующим порядкам и ненависть к России». «При таком составе интеллигенции, будущих деятелей болгар, можно было предвидеть те печальные последствия, которые совершили в Болгарии потом»⁸³, – заключал о. Григорий.

О. Вакх не разделял упреки многих в адрес болгар, подчеркивая, что «если с болгарам обходиться ласково, исправно выплачивать стоимость забираемых продуктов звонкою монетой, а не бумажными квитанциями, с которыми они не знают, что делать, то у них всегда можно было достать, по крайней мере, самые важные продукты продовольствия – муку и мясо». «И многим нашим неразборчивым укорителям и поносителям болгар мне хотелось бы напомнить изречение: врачу, исцелился сам», – писал священник.

Таким образом, полковые священники в записках и воспоминаниях, рассказывая о своих походных буднях, о сражениях, немало места уделили и впечатлениям от

⁸³ *Латишин Г. П.* Мирная жизнь ... С. 409.

встреч с болгарским населением. При этом, в отличие от офицеров русской армии, в силу своей профессии, они большее внимание обратили на состояние болгарских церквей, на традиции и действительность религиозной жизни болгар и их пастырей.